

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

РИП ВАН ВИНКЛЬ

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

→ Книга первая ←

Вашингтон Ирвинг Рип Ван Винкль

<https://litres.ru/74417783>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Рип Ван Винкль» открывает цикл «Дидрих Никербокер». В голландской деревушке у подножия Катскиллских гор живёт добродушный лентяй Рип — мастер помогать соседям и водиться с детворой, но безнадёжный неудачник в собственном хозяйстве. Единственное спасение от сварливой жены — лес и ружьё.

Однажды в горах он встречается призрачных стариков в старомодной одежде, играющих в кегли. Отведав их напиток, Рип засыпает и просыпается через двадцать лет. Мир изменился: дом рухнул, жена умерла, друзья состарились, а на трактирной вывеске вместо короля Георга — портрет Вашингтона.

Эта повесть — не просто сказка о путешествии во времени, а мудрая притча о быстротечности жизни, о том, как трудно найти своё место в новом мире, и о том, что даже долгий сон может стать желанным избавлением. С мягким юмором и ностальгией Ирвинг напоминает: иногда лучшее, что можно сделать, — это просто переждать бурю. Даже если для этого понадобится двадцать лет.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вашингтон Ирвинг

Рип Ван Винкль

Глава

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

Книга первая

РИП ВАН ВИНКЛЬ

Вашингтон Ирвинг

Перевод с адаптацией для современного читателя

Вступительное слово для современного читателя

Представьте, что вы берёте в руки старую книгу в потёртом кожаном переплёте, изданную в начале XIX века. Титульный лист сообщает, что это — рукопись, найденная среди бумаг некоего Дидриха Никербокера, нью-йоркского чудака, который всю жизнь собирал голландские предания. А на первой странице вас встречает история, которую знают во всём мире, — «Рип Ван Винкль».

Её автор, Вашингтон Ирвинг (1783–1859), считается отцом американской литературы. Именно он первым подарил Соединённым Штатам собственный миф, вписав в фольклор Старого Света свежие голоса молодой страны. «Рип Ван

Винкль» — не просто забавная сказка; это манифест нового литературного вкуса, где сочетались европейская изысканность, местный колорит и искромётный юмор.

В центре — простодушный, ленивый и бесконечно симпатичный фермер, который сбегает от сварливой жены в горы Катскилл, чтобы однажды заснуть... и проснуться через двадцать лет. Что его ждёт? Постаревшие друзья, взрослые дети, истертый до дыр дом — и страна, в которой вместо короля Георга теперь правит президент Вашингтон. Ирвинг мастерски играет с темой времени, превращая бытовую семейную драму в философскую притчу. Кто из нас хотя бы раз не мечтал нажать на паузу, переждать житейские бури, а потом вернуться — и увидеть, что всё изменилось? Или, наоборот, ужаснуться, как быстро пролетели лучшие годы?

Но главное очарование этой повести — в её тоне. Ирвинг рассказывает историю с мягкой, доброй иронией, словно подмигивая читателю. Он высмеивает и неторопливых голландских бюргеров, и политических ораторов, и, конечно, незавидную долю мужей под каблуком. При этом он не злобитя: его улыбка полна тепла, а чудесные события — встреча с призрачной командой Хендрика Гудзона, игра в кегли, волшебный напиток — описаны так живо, что не верить в них просто невозможно.

Для современного читателя, привыкшего к стремительному ритму жизни, этот текст — настоящий глоток свежего воздуха. Он приглашает остановиться, задуматься: а что, ес-

ли бы вы вдруг очнулись через двадцать лет? Что бы вы почувствовали? Ужас, ностальгию или облегчение? Ирвинг не даёт готовых ответов — он предлагает улыбнуться над вечными человеческими слабостями и заодно взглянуть на историю как на череду забавных недоразумений.

Наше издание открывает цикл «Дидрих Никербокер» — собрание преданий старого Нью-Йорка, которые Ирвинг собрал и пересказал с истинным изяществом. Мы постарались сохранить дух первоисточника, приблизив язык к сегодняшнему читателю, но не потеряв при этом ни капли того своеобразного очарования, которое сделало «Рипа Ван Винкля» любимцем миллионов.

Так что устраивайтесь поудобнее, забудьте о делах и отправляйтесь в горы Катскилл — там, где время течёт иначе, а старые легенды оживают на каждом шагу. И помните: иногда самый лучший способ справиться с житейскими бурями — это просто заснуть под деревом. Правда, запасную трубку с собой прихватите — вдруг и вам понадобится двадцать лет, чтобы проснуться...

Н. Г.

*Клянусь Воденом, богом саксов,
давшим имя среде — Wodensday,
что буду хранить правду
до того дня, когда сойду
в свою могилу...*

Картрайт

ОТ АВТОРА

Эта история найдена среди бумаг покойного Дидриха Никербокера, старого нью-йоркского джентльмена, который живо интересовался голландской историей здешних мест и нравами потомков первых поселенцев. Впрочем, свои изыскания он вёл не столько по книгам, сколько среди людей: книг на любимые его темы было прискорбно мало, зато старики-бюргеры, а ещё больше их жёны, оказались настоящей сокровищницей преданий, без которых, как он считал, подлинная история немыслима. Стоило ему набрести на настоящую голландскую семью, уютно устроившуюся в приземистом фермерском доме под раскидистым платаном, — и он смотрел на неё как на редкую книгу в чёрном переплёте, и штудировал с усердием заправского книжного червя.

Плодом этих трудов стала история края во времена голландского правления, изданная им несколько лет назад. О литературных достоинствах этого труда мнения расходи-

лись, и, по правде сказать, он не заслуживал большего, чем получил. Главным его достоинством была скрупулёзная точность — поначалу это, впрочем, ставили под сомнение, но со временем сомнения рассеялись, и книгу теперь причисляют к историческим собраниям как источник, не подлежащий сомнению.

Старый джентльмен скончался вскоре после выхода книги; а теперь, когда его давно нет на свете, не грех сказать, что время своё он мог бы потратить и на дела посерьёзнее. Впрочем, он ездил на своём коньке по-своему; и хотя иной раз это поднимало пыль в глазах соседей и огорчало некоторых друзей, к которым он питал искреннее уважение и приязнь, все его чудачества и промахи вспоминают «скорее с сожалением, чем с гневом», и всё чаще склоняются к мысли, что обидеть кого-либо он никогда не желал. Но как бы критики ни судили о его памяти, многим она по-прежнему дорога, и мнение этих людей чего-то да стоит; в особенности некоторым пекарям, которые пошли на то, чтобы отпечатать его портрет на новогодних пряниках, — тем самым подарив ему шанс на бессмертие, немногим уступающий чести быть отчеканенным на ватерлооской медали или фартинге королевы Анны.

РИП ВАН ВИНКЛЬ

Всякий, кому доводилось подниматься на лодке вверх по Гудзону, наверняка помнит горы Катскилл. Это отрог вели-

кого Аппалачского хребта; они высятся к западу от реки, вздымаясь благородной громадой над окрестной землёй. С каждой сменой сезона, с каждой переменной погоды и, право, чуть ли не с каждым часом дня эти горы меняют свои волшебные краски и очертания, и все добрые хозяйки в округе издавна считают их безошибочным барометром. В ясную, устойчивую погоду они одеваются в синее и лиловое и чётко рисуют свой смелый силуэт на вечернем небе; но порой, когда вокруг всё безоблачно, вершины их вдруг затягивает серой дымкой, которая в последних лучах заката вспыхивает и разгорается, точно венец славы.

У подножия этих сказочных гор
путник различит лёгкий дымок,
поднимающийся над деревенькой...

Аромат:

Древесный дым от печных труб, смешанный
с запахом свежесыпчатого ржаного хлеба,
сушёных трав (тимьян, похлёб) и влажной земли
после утренней росы.

У подножия этих сказочных гор путник, если приглядится, различит лёгкий дымок, поднимающийся над деревенькой, чьи дощатые крыши поблёскивают среди деревьев там, где синева нагорья переходит в свежую зелень ближней долины. Деревушка эта весьма древняя: её основали ещё голландские колонисты, в самом начале правления доброго Питера Стёйвесанта (мир его праху!), и до недавних пор здесь стояли дома первых поселенцев — из мелкого жёлтого кирпича, привезённого из самой Голландии, с решётчатыми окнами, остроконечными фронтонами и флюгерами.

В этой самой деревне, в одном из таких домов — по правде говоря, изрядно обветшавшем от времени и непогоды, — жил когда-то, ещё в те годы, когда край этот числился британской провинцией, простодушный, добродушный малый по имени Рип Ван Винкль. Он происходил от тех Ван Винклей, что так лихо отличились в рыцарские времена Питера Стёйвесанта и сопровождали его при осаде форта Кристина. Но воинственного нрава предков он унаследовал немного. Как уже сказано, был он человеком простым и добрым; притом хорошим соседом и покорным, как говорится, женой битым мужем. Возможно, именно последнему обстоятельству он и был обязан той кротостью, что снискала ему всеобщую любовь: люди, живущие под гнётом сварливых жён, обыкновенно становятся уступчивыми и покладистыми на людях. Их нрав, надо думать, размягчается и делается податливым

в огненной печи домашних невзгод; а нотация, прочитанная за закрытой дверью спальни, стоит всех проповедей на свете, если речь идёт о воспитании терпения и смирения. Так что сварливую жену вполне можно счесть своего рода благословением; и если это так, Рипу Ван Винклю повезло втройне.

Он и вправду был всеобщим любимцем среди деревенских женщин, которые, как водится у прекрасного пола, всегда брали его сторону в семейных перебранках и, судача по вечерам, неизменно возлагали всю вину на тётушку Ван Винкль. Деревенские дети радостно кричали при его появлении. Он участвовал в их играх, мастерил им игрушки, учил запускать змея и играть в шарики, рассказывал длинные истории про призраков, ведьм и индейцев. Стоило ему показаться на улице, как его тут же окружала ватага мальчишек — они виснут на его полах, карабкаются на спину, безнаказанно проделывают с ним тысячу проказ; и ни одна собака в округе на него не лает.

Главным же изъяном в характере Рипа было непреодолимое отвращение к любому доходному труду. Дело было во-все не в лени или недостатке усердия: он готов был часами сидеть на мокром камне с удочкой, длинной и тяжёлой, точно татарское копьё, и удить целый день без единой жалобы, даже если рыба ни разу не клюнет. Он мог часами таскать на плече ружьё, пробираясь через леса и болота, вверх и вниз по холмам, чтобы подстрелить пару белок или диких голубей. Он никогда не отказывал соседу в помощи, даже в самой

тяжёлой работе, и первым являлся на всякую сельскую толоку — обрушивать кукурузные початки или класть каменную изгородь; деревенские женщины охотно посылали его с поручениями и заставляли делать по хозяйству то, на что не соглашались их менее покладистые мужья. Одним словом, Рип готов был заниматься чем угодно, только не собственными делами; а вот с хозяйством и заботами о семье справиться никак не мог.

Он и сам уверял, что работать на своём поле нет никакого смысла: то был самый злополучный клочок земли во всей округе, и что бы он ни делал, всё шло наперекосяк. Изгороди у него вечно рассыпались, корова то забредала неведомо куда, то залезала в капусту, сорняки на его полях росли быстрее, чем у соседей, а дождь как назло принимался лить именно тогда, когда была намечена работа под открытым небом; так что отцовское наследство таяло у него на глазах, акр за акром, пока не осталось немногим больше грядки кукурузы да картошки, — и всё же ферма его считалась самой запущенной в округе.

Дети его тоже росли оборванцами, будто ничьи. Сын, тоже Рип, вылитый отец в миниатюре, судя по всему, обещал унаследовать не только отцовские привычки, но и его старую одежду: его то и дело видели трусящим, как жеребёнок, за материнским подолом, в отцовских обносках — таких широких штанах, что удержать их на себе одной рукой стоило ему не меньших трудов, чем светской даме — приподнимать

шлейф в дождливую погоду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.